После моего первого опыта попытки говорить, или, скорее, просто попытки и неудачи пройти азбуку из-за моего недоразвитого новорожденного мозга, я сделала еще несколько таких попыток. Однако я продолжала практиковаться только по ночам, когда даже эти двое спали. Я не очень много знала о своем, вернее, нашем положении. И из-за того, что они, по-видимому, должны были быть моим источником пищи, это заставляло меня немного нервничать по поводу того, как мои родители или другие представители моей собственной расы могли бы отреагировать на то, что эти двое сказали что-то неосторожное, если бы они поймали, что я из той же самой предыдущей жизни, что и они.

По крайней мере, я хотела иметь возможность произнести слова “никому не говори”, прежде чем попытаюсь заговорить с ними. Скорее всего, я бы сказала что-нибудь раньше, если бы они начали проявлять явные признаки ослабления из-за меня, но до тех пор, пока не произошло одно из этих двух событий, я продолжала тренироваться, когда они оба спали. Но это не значит, что я ничего не делала в течение дня. Хотя я не могла дойти до такой степени очевидности, как практика английских слов или азбуки, но я могла, по крайней мере, стать более вокальной. В конце концов, я только сейчас развила моторно-речевой центр своего мозга, так что любая сознательная попытка пошевелить ртом, чтобы издавать звуки, отличные от “ААА”, могла бы помочь.

(Она сейчас очень шумит, правда?) Мальчики, конечно, это заметили. С тех пор как я обрела зрение, мне удалось подтвердить, что они действительно были мальчиками. Это довольно трудно не заметить, когда им всего около года, и я с ними буквально 24/7, или как они следят за временем в этом мире. Ясно, что раз в этом мире существуют такие пугающие существа, как я, которые питаются детьми, то это не может быть земля, где мы находимся.

- Ну, по крайней мере, она больше не плачет, - говорит Ролвен, обнимая мою сестру. Я смотрю на нее со своего места в объятиях Левина, изучая ее лицо. Она тоже смотрит на меня, как будто немного не в себе. Когда я вижу ее, я точно понимаю, почему они так боялись за нас, когда я начала плакать раньше.

Когда я смотрю на сестру, ее лицо становится пепельно-бледным. Как медбрат в моей прошлой жизни, я уже видела этот тон кожи раньше, обычно у людей, которые умерли от удушья. Может быть, что-то пошло не так, пока мы рождались? Видеть такой цвет кожи у такого маленького ребенка может означать только то, что его легкие каким-то образом не функционируют должным образом.

Но-нет. Так было бы, если бы у нас была нормальная человеческая физиология. Ну, я действительно обнаруживаю, что дышу, по крайней мере, как нормальный человек, несмотря на то, что моя манера есть невероятно чужда всему, что могло бы существовать на Земле. Тогда у меня остается два возможных сценария. Либо, во-первых, наш вид-это тот, где наша кожа также начинает бледнеть пепельно-серым цветом, когда мы недоедаем, а взрослые делают именно то, что нужно для лечения нашего состояния. Или, во-вторых, медицинская наука этого мира недостаточно развита, чтобы понять, что проблема заключается в ее легких.

Ну, есть, вероятно, один способ решить это наверняка. Я уже некоторое время практиковалась в разговоре, а до этого несколько дней плакала во всю глотку. Если я смогу сделать что-то подобное, то у меня не будет никаких проблем с моими собственными легкими. Так что мне нужно будет как-то взглянуть на свое лицо, или хотя бы на руку, или еще на что-нибудь.

Однако это оказалось довольно сложным делом. Наряду с ненормальным питанием, функции выделения этого нового тела также не являются нормальными. На самом деле, это даже не тот вопрос, который вообще возникает. Поэтому, не имея никаких причин когда-либо разворачивать меня от этого плотного одеяла, которое они обернули вокруг меня, я часто иду в течение дня, даже не будучи развернутым ни разу. Я не вижу ни одной части своего тела, только мое лицо высовывается наружу.

Ну, это было бы как-то разумно для новорожденного такого вида, как этот. Мы находимся в том возрасте, когда мы не сможем должным образом регулировать температуру своего тела и не сможем поднять свою собственную голову. Таким образом, эти плотно завернутые одеяла, вероятно, помогут решить обе проблемы сразу.

- Ты чувствуешь себя лучше, Гэриен? - Спрашивает Левин, единственная проблема с его вопросом заключается в том, что он был направлен на меня, когда он использовал имя моей сестры. Ну, если оставить этот вопрос в стороне, то по тону его голоса я могу различить, по крайней мере, несколько вещей. Одна из этих вещей заключается в том, что я, вероятно, кажусь намного более здоровой, чем была, когда все начали беспокоиться обо мне.

- Она кажется лучше, но ее лицо все еще довольно бледное, не так ли? - Входит Ролвен, давая мне точную информацию, которую я хотела услышать. – «Ах! Похоже, она рада это слышать!» -

Неужели мое выражение лица было настолько очевидным? Ну, у ребенка также нет хорошо развитой лобной коры или тормозного центра в мозге, поэтому я предполагаю, что любая эмоция, которая у меня есть, автоматически и немедленно появится на моем лице, и я не смогу ее прервать.

Ну что ж, это дает мне именно ту информацию, которую я хотела услышать. Так что, очевидно, бледный цвет моей кожи примерно соответствует коже Гаэриен. Я снова смотрю на сестру с некоторым беспокойством в глазах. Значит, эта бледность все-таки связана с недоеданием?

- Ll ' en ' lle, endenmul, - кричит женщина, которая, кажется, присматривает за всеми детьми здесь. Услышав эту фразу уже несколько раз и наблюдая за реакцией детей, я понял, что это как-то связано с едой. Конечно, хотя я, возможно, и не нуждаюсь в пище, все они все еще кажутся очень похожими на людей и едят нормальную пищу все это время.

Внезапно моя способность сосредоточиться на своих мыслях прерывается, поскольку возникает шум деятельности со всеми детьми, спешащими к столу. То есть все дети, кроме Ролвен и Левина, вместе с нами двумя. Они по-прежнему сидят на полу, баюкая Гэриен и меня, в то время как другие дети должны прийти за своей едой, это стало образцом того, что для Ролвен и Левина еда приносится им.

Примерно в это время я замечаю, что здесь появился кто-то новый, кого я раньше не видела. Обычно это женщина, которая, кажется, является смотрителем здесь, которая присматривает за всеми детьми, женщина, которая выглядит примерно на 30 лет с каштановыми волосами, которая всегда деловито ходит от одного ребенка к другому, чтобы держать их в узде. Впрочем, теперь есть еще кто-то.

В отличие от нашего обычного опекуна, который имеет расслабленную позу, если не слегка сгорбленную от постоянного взгляда сверху вниз на детей, которых она постоянно опекает, этот человек имеет высокую и прямую осанку. Это не совсем военный вид, но это явно очень утонченная и гордая манера, с которой они медленно идут по комнате, заполненной детскими игрушками и бегающими детьми. Однако, когда каждый ребенок замечает этого нового человека, все они широко расходятся, как будто они хотят избежать попадания на их пути, все с молчаливым почти подавленным чувством к своим действиям, как несколько младших детей, которые шумят, извиваются и капризничают, быстро замолкают старшими детьми.

Просто наблюдая за необычным поведением других детей, как будто опасаясь последствий раздражения этого человека, в то время как они направляют на них повторяющиеся странные взгляды, я очень быстро понимаю, что есть что-то в этом человеке, что все они воспринимают очень серьезно, и мой мозг очень быстро начинает формировать различные теории.

Этот человек, кажется, держит полную тарелку еды. И как только все остальные дети садятся за стол, они перестают обращать на них внимание и начинают смотреть прямо на нас четверых. Этот человек идет прямо к нам, сохраняя все это время свой величественный вид и совершенную осанку, опускаясь на колени, когда они достигают того места, где Левин и Рольвен сидят на полу с моей сестрой и мной на коленях.

Я получаю более пристальный взгляд на лицо этого человека. Я не была уверена, были ли они мужчина или женщина все это время из-за длинных и довольно ухоженных волос, которые они носили на спине. Более того, их одежда, казалось, была ниспадающим одеянием, накинутым на всю их фигуру, давая мало очевидного намека на их пол. Однако, если присмотреться поближе, лицо действительно кажется довольно мужественным. Но есть еще кое-что, что кажется немного странным в них, но я не могу точно определить это.

-Lle atta en' sana caela malia quel i' ai laito. - Нежный мужской голос исходит от человека, стоящего перед нами. Ну, тогда я определенно должна сделать вывод, что он, вероятно, мужчина. – «Sii' ta naa coiasira ten' sen mat- en' i' palurin.» - Он переводит взгляд с Ролвен на Левина, а затем нежно улыбается мне, кладя руку мне на макушку и нежно потирая ее.

-Sen helma naa il-quel sal'. Amin estela sina alya-sen natul-eithel.- После того как он произнес еще несколько слов на непонятном мне языке, слегка опустив лицо и понизив тон голоса, словно говоря что-то серьезное, мужчина берет что-то похожее на маленькую ягодку и раздавливает ее между пальцами. Получив ягодный сок на палец и отбросив кожицу, он наклоняется и сует свой палец мне в рот.

Рефлекс автоматически берет верх в этот момент, и я, естественно, начинаю пытаться сопротивляться ему. Тем временем мой язык начинает пытаться вытеснить его палец с естественным детским рефлексом выдавливания. Однако он крепко держит меня за голову и, кажется, делает все возможное, чтобы растереть свой покрытый ягодным соком палец по всему моему языку. Вкус ягоды распространяется по моему языку и рту, и в конце концов мужчина кажется удовлетворенным.

-Naa sai-quel sai-quel, tanya nae quel.- Он говорит быстро, как будто извиняющимся и ободряющим тоном, каким обычно говорят после укола ребенку. На самом деле, так ли это было? Он только что дал мне какое-то лекарство?

Я пытаюсь сморгнуть слезы с глаз, чтобы получше рассмотреть его сейчас. Может быть, он здесь какой-нибудь врач? Судя по динамике того, что происходит до сих пор, если этот парень-врач, то шансы довольно велики, что он-той же расы, что и я. Это означает, что если я хочу понять свой мир и то, что я есть, я, вероятно, должна попытаться хорошенько рассмотреть этого парня.

Это невероятно неприятно, когда мои руки прижаты одеялом и я не могу пошевелить головой. У меня нет никакого хорошего способа вытереть туманные слезы с моих глаз, вызванные тем, что мне внезапно засунули палец в рот. Я продолжаю яростно моргать глазами, надеясь смахнуть немного слез, чтобы получше рассмотреть его. Сквозь мое затуманенное зрение мне удается едва различить что-то, пока его голова повернута в сторону, очевидно, повторяя тот же процесс с Гэриен, что он только что сделал со мной.

‘Вот это и было странно!’ - Это было не так очевидно, когда я смотрела на него спереди, но как только я увидел этого парня сбоку, я сразу поняла, что странного было в его лице. ‘Его уши!’- Его уши были не совсем такой формы, как у человека. Она была небольшой, но ушная раковина его уха доходила до точки сзади, и это заставляло ее также слегка поворачиваться вперед и, казалось, выступать немного дальше от его головы, а не лежать плашмя на затылке. В то же время, казалось, что на переднем конце уха было немного больше материала. Эта структура, казалось, была почти оптимизирована для улавливания звуков, идущих как спереди, так и сзади.

Я продолжала рассматривать характерную и кажущуюся очень эффективной форму уха мужчины, почти похожую на странную чашку, лишенную части своей стороны, когда он закончил давать Гэриен то же самое вещество, что только что дал мне. – «San», - он сделал удовлетворенное выражение лица, когда встал. Гэриен не подняла столько шума, сколько я, и поэтому он, казалось, не видел необходимости говорить ей что-то успокаивающее. – «Ve' lle eden'ta amin estela lle uma. Sai-quel malia en ' i ' he ' laito lle sana». - Произнеся эти слова с довольной улыбкой, мужчина повернулся и вышел, коротко сказав несколько слов женщине, присматривающей за детьми, прежде чем выйти за дверь.

После этого мне остается только поразмышлять над тем, что я только что видела. Это ухо. Хотя у них было немного дополнительного материала, что в конечном счете делало их гораздо более функциональными, чем изображение, которое существовало на Земле, разве эти уши не имели по существу ту же самую основную заостренную форму, что и то, что мы называем эльфами? Кроме того, помимо ушей, все остальное в нем прекрасно соответствовало образу эльфа.

Поскольку у меня есть эти мысли в голове, я также поражена другой мыслью. Это не было так популярно изображено в то время, когда я умерла в своей предыдущей жизни, но если вы вернетесь к самому истоку сказок об эльфах, они были очень далеки от дружелюбных существ, которые помогали Санта-Клаусу, или даже более древней расы лесных воинов, которые работали на благо всех рас против великой угрозы в Средиземье, помогая некоторым хоббитам. Нет, они были совсем не такими. На самом деле они были порождением страха для всех людей того времени, когда впервые была рассказана их история.

Особенно примечательно, что эльфы, как говорят, похищают и, в некоторых историях, даже убивают детей. Были даже сказки, где присутствие эльфа заставляло ребенка умирать, будучи крепко зажатым в объятиях отца, когда он пытался защитить своего сына. Ничто не имело бы значения, если бы эльф обратил свой взор на ребенка.

В большинстве историй эльф просто заманивал ребенка музыкой, обещая веселую жизнь, где они могли бы играть весь день, если бы пришли и убежали от своих родителей. Однако не было ни одной древней истории, в которой было бы ясно сказано, что эльфы на самом деле делали с детьми после того, как они попали в эльфийский дом.

Ну, это было не совсем так, что вы никогда не слышали, что происходит на родине эльфов.

Просто вы никогда не слышали о судьбе детей. Для взрослых, однако, они также часто соблазняются эльфами. Что касается взрослых, то они часто приглашают взрослых пообедать с ними. Однако, как только взрослый человек съедает то, что предлагает ему эльф, он становится неспособным когда-либо покинуть эльфийские земли или вернуться домой к своей семье.

Существует несколько историй об эльфах, но среди самых древних историй всегда есть одна общая вещь. Дело в том, что эльфы, похоже, имеют очень большое отношение к похищению людей, а также, похоже, особый интерес к детям.

Итак, если это так, и это действительно те же самые эльфы из самых старых сказок, то может ли это быть причиной того, что у них есть такая вещь для похищения детей? Чтобы прокормить собственных детей? Ну, во всяком случае, сейчас еще больше вещей выстраивается в очередь. С таким количеством вещей, похожих на старые истории, у меня теперь есть довольно много, чтобы понять, что происходит, или, по крайней мере, развить разумные ожидания.

Мне не следует думать, что все это очень похоже на старые земные сказки. Очевидно, что это совсем не похоже на современное изображение эльфов, так почему же оно должно быть совершенно идентичным самым старым историям? Однако, судя по тому, что я вижу до сих пор, самые древние истории имеют больше общего с этими эльфами, чем современное изображение.

Во всяком случае, это нисколько не меняет моих краткосрочных планов. Ну, это мои единственные планы на этот счет. Мне все еще нужно заставить себя говорить, и я должна спросить этих двоих, как они себя чувствуют, а также предупредить их, чтобы они никому не говорили о том, что я могу общаться с ними. По крайней мере, пока я не узнаю немного больше о темпераменте эльфов и их намерениях по отношению к этим детям.

http://tl.rulate.ru/book/33076/723123